

Ария Гесс

Бывшие. Девочка бандита

«Литнет»

2025

Гесс А.

Бывшие. Девочка бандита / А. Гесс — «Литнет», 2025

— Скучала, сладкая? — с нотками презрения кидает он. — Оставь меня! Уходи! Он тихо смеётся. Не могу поверить, что когда-то я жила этим человеком, дышала им, верила каждому слову... — Я только вернулся, а ты меня снова гонишь, Микаэла. — Лучше бы ты не возвращался, — кидаю правду ему в лицо, но лучше бы промолчала... Еще секунду назад его идеально спокойное лицо мгновенно свирепеет, ноздри раздуваются, а глаза горят синим пламенем. — Раздевайся, — звучит холодный стальной приказ. После таких не возникают, не сопротивляются. После таких молча выполняют то, что тебе приказали. ***Он стал моим спасением, когда я в этом очень сильно нуждалась. Я верила ему, любила его, а он меня предал. А теперь, спустя три года, я снова оказываюсь в его руках. Только на этот раз не для спасения. Как пленница, которую он хочет сломать. Но я не позволю._____ Властный герой, мафия, от ненависти до любви и обратно, студенты

© Гесс А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
Пролог 2	6
1	8
2	9
3	10
4	11
5	12
6	13
7	14
8	15
9	16
10	17
11	19
12	21
13	23
14	25
15	27
16	29
17	31
18	33
19	35
20	37
21	39
22	41
23	43
24 от Влада	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Пролог

Бегу, не оглядываясь. Липкое ощущение страха обволакивает все тело, когда инстинктивно чувствую, что они вот-вот догонят.

Легкие горят. Кашляю от нехватки кислорода, но скорость не сбавляю.

Ощущение тотальной беспомощности заставляет организм действовать на максимуме.

Я заметила черный тонированный внедорожник как только вышла из университета, на пути к дому. Прибавив шаг, поняла, что он четко следует моей траектории и подстраивается под мою скорость. Обогнув поворот, ринулась бежать со всех ног к дому, и в этот момент услышала захлопнувшуюся дверь автомобиля и звук мельтешащих за спиной шагов.

За три года я успела позабыть, какого это, бояться каждого шороха за спиной. И вот теперь, все снова возвращается...

Калейдоскоп чертова жизненного колеса крутится, раз за разом возвращая определенные жизненные циклы. И этот я бы предпочла больше никогда не переживать!

До дома остается всего несколько метров. Я ускоряюсь так, как только возможно. Говорю себе, что боль в легких — ничто, по сравнению с тем, что мне могут сделать эти люди.

Еще несколько шагов. Я вижу дверь в подъезд.

Нашупываю в кармане ключи и вытягиваю руку, готовая вот-вот открыть дверь.

Мощный рывок за волосы заставляет вскрикнуть от неожиданности, боли, отчаяния.

— Отпустите! — брыкаюсь, но незнакомый мне мужчина хватается меня сзади за горло, а после этого я ощущаю мокрую тряпку у лица, вдохнув через которую сознание туманится, и я проваливаюсь в темноту.

Открыв глаза, шурю от резкого света, будоражащего воспаленный зрачок. В голове гудит, словно в неё запустили рой пчел, и они жужжат и жужжат, норовя вырваться, но выхода нет.

Оглядываюсь.

Я нахожусь в темном кабинете, подсвечиваемом лишь лампой, что направлена на меня. Ничего не могу рассмотреть.

Пытаюсь привстать, но голова кружится, и я снова падаю на пол, больно ударяясь бедром.

Нервно вздрагиваю, услышав шарканье сначала одного ботинка, потом второго.

Будучи уверенной, что нахожусь в комнате одна, сердце чуть не выпрыгивает из груди.

— Кто вы? Что вам нужно? — спрашиваю я.

Мой голос дрожит, и я собираюсь в комочек, прижимаясь к стене.

Мой «сокамерник» делает еще один шаг, и теперь я вижу его отполированный до чопорности ботинок. Мужской ботинок.

— Пожалуйста, не трогайте меня. Я ничего плохого никому не делала.

Слёзы постепенно начинают стекать по лицу, и тогда мужчина теряет терпение. Резко отодвинув фонарь, он приближается ко мне и хватается за подбородок.

И я замираю...

Если я думала, что от бега заканчивается кислород и сделать каждый последующий вдох становится все тяжелее, то сейчас я вообще дышать не могу. Горло стягивает железной паутиной, а сердце словно в кулак сжимают и давят, давят, чтоб лопнуло, чтоб разорвало изнутри.

Вот с какой болью я смотрю в его глаза...

Вот с какой яростью бьются внутри раздирающие противоречия.

Это не может быть он...

— Привет, любимая, — произносит холодным голосом мой бывший рай и моё же проклятье.

Пролог 2

— Я же говорил тебе, что ненавижу твои слёзы. Почему ты снова плачешь?

Он почти заботливо вытирает их своими немного шершавыми пальцами, и лишь взгляд холодный, тёмный, до ужаса пугающий, говорит мне не заблуждаться.

Здесь нет заботы, здесь нет любви. Здесь только мой ад в его олицетворении.

— Т-ты, — заикаюсь, отпихивая его руки, на что он лишь ухмыляется.

Когда он встаёт и отходит, успеваю разглядеть его фигуру. Он стал ещё больше: широкая массивная шея с набитыми на ней татуировками, разлет виднеющихся из-под черной футболки ключиц, мускулистое тело, темные короткие волосы... Он стал ещё более пугающим, но между тем... Все то же идеально красивое лицо с широким волевым подбородком и пухлыми губами...

Замираю, уставившись на его губы непозволительно долго, чем вызываю его довольный оскал.

— Скучала, сладкая? — с нотками презрения кидает он.

— Иди ты! — выпаливаю на нервах.

Он тихо смеётся.

Не могу поверить, что когда-то я жила этим человеком, дышала им, верила каждому слову... А он так поступил со мной сейчас! Меня за волосы приволокли!

— Я только вернулся, а ты меня снова гонишь, Микаэла.

На моем имени он спотыкается и произносит его с такой ненавистью, что кровь в венах стынет.

— Лучше бы ты не возвращался, — кидаю правду ему в лицо, но лучше бы не делала...

Его секунду назад идеально спокойное лицо мгновенно свирепеет, ноздри вздуваются, а глаза горят синим пламенем. Он не делает резких движений. Он подходит ко мне медленно, заставляя скулить от морального перенапряжения. Словно мышку загоняет в мышеловку, чтобы потом...

Бах!

И сожрать.

Находясь на расстоянии вытянутой руки, он останавливается, позволяя мне выдохнуть и снова вдохнуть.

А потом делает так, чтобы я захлебнулась этим воздухом.

— Раздевайся, — звучит холодный равнодушный стальной приказ.

После таких не возникают, не сопротивляются. После таких молча выполняют то, что тебе приказали.

— А чтобы ты не так долго думала, я привел твоего друга. Как раз проверяем на соответствие количество его ребер. Кажется, там перебор.

— Не трогай его! — цежу, впиваясь ногтями в кожу сжатых кулаков, только бы не выпарапать ему его красивые глаза.

— А может и почка лишняя, — шурит глаза, нагло разглядывая меня. — Зачем ему две, когда и с одной живут прекрасно?

— Псих ненормальный! — не выдерживаю... То ли его издевательских слов, то ли того пренебрежения, что во взгляде сквозит.

Делаю шаг и толкаю его в грудь, но он одним рывком пригвозждает меня к стене, опалая дыханием кожу на шее.

— Трахалась с ним, Мика? — режет словами хуже всякого металла, показывая истинную суть своего наигранно спокойного состояния. — Отвечай, девочка. Пока меня не было, сколько раз ты трахалась с ним?

Он не кричит. Но для выражения своих эмоций ему этого и не нужно делать. И от этого ещё хуже. Давит своим тоном, пугает до чертиков, слёзы уже не просто стекают, они заливают все лицо.

Молчу. И не потому, что хочу, а потому что сил говорить нет. Горло спазмом стягивает, позволяя лишь раскрывать рот как немой рыбке.

Он расценивает моё молчание по-своему и, резко отпустив, отворачивается.

— Раздевайся и становись на колени, Микаэла. Даю тебе две минуты. После этого за каждую минуту промедления я буду отрезать ему по пальцу.

— Больной! — кричу от бессилия.

— И я соскучился, любимая. Твое время уже пошло.

1

Глава 1

3,5 года назад

— Мика, эй! Мика! — слышу противный мужской голос за спиной, но упорно его игнорирую, пряча голову под капюшон толстовки.

Стискивая ремешок рюкзака, иду ко входу в университет, но не успеваю сделать и одного шага к лестнице, как дергаюсь от резко прилетевшего в голову скомканного листка бумаги.

— Отвали! — разворачиваюсь, нервно сжимая кулаки. Да что ему опять от меня надо?!

— Когда я к тебе обращаюсь, ты должна к ногам моим прыгать, мышь! — издевательски выдает мне Ринат, пока стоящая возле него шайка прихвостней смеётся над его выходкой.

— Я не твоя рабыня, не путай меня с идиотками, вешающимися тебе на шею после такого скотского поведения.

— А твое место, как я и сказал, не на моей шее, а в ногах!

Массовка присвистывает, а Ринат подходит ближе и резко стягивает с меня капюшон, сжимая его в кулак.

— Пусти! — хватаюсь за его руку.

Сердце бешено колотится в груди, ожидая очередной порции унижения.

— Пуцу, конечно, — гортанно ржет придурок, отпуская мой капюшон и хватая за шею.

Я вырываюсь, кричу, но всем по барабану. Он сын ректора университета, а его мать какой-то политик в местной Думе. Поэтому ему все сходит с рук. Либо все просто боятся оказаться на моем месте, потому что по слухам, ходившим в универе до моего поступления, он мучил точно так же парня, который в итоге отчислился.

Теперь ему на смену пришла я...

2

А все началось с того, что я просто случайно разлила на него чай в столовой. Меня толкнули, я была не виновата, но ему было все равно.

Попросив несколько дополнительных порций, он вылил мне их прямо на голову.

Тогда я ещё пыталась как-то наказать его за самоуправство, но чуть не лишилась из-за этого бюджетного места и стипендии. И после того случая его было не остановить...

Теперь жизнь такова, что я каждый день считаю дни до его выпуска, глотая успокоительные и продолжая все терпеть. Всего полгода... и я буду свободной.

Ринат тащит меня к скамейке под буйные аплодисменты его шестерок. В глазах собираются слёзы, но я терплю! Никогда не заплачу перед ним!

— Я же сказал тебе, что твое место на коленях! — валится на скамейку он, одновременно с этим больно надавливая на мои плечи, из-за чего я падаю в молитвенной позе между его расставленных ног.

Колготки рвутся, и я чувствую мелкие камни, вонзающиеся мне в колени. Живот стягивает от боли унижения. Зажмуриваюсь, с трудом сглатываю комок горечи во рту, что по пищеводе идет, разъедая внутренности.

— На меня смотри! — хватает меня за волосы, вынуждая запрокинуть голову.

Смотрю на него с ненавистью, стиснув зубы, держу голову прямо, не показывая слабости, уязвленности.

— Смотрите! Это новенькие! — кричит кто-то из его шайки, и все, кроме нас с ним, бегут посмотреть на новое мясо.

Уже неделю ходят слухи, что сын какого-то криминального авторитета со своей шайкой переводятся в наш универ. Все гадают, кто же теперь будет королем универа, ведь вряд ли Ринат сможет тягаться с таким, но и власть свою терять не захочет.

Да даже сейчас, когда все поддаются любопытству, этот ублюдок строит из себя короля и принципиально не идёт со всеми, а лишь сильнее сжимает мою шею.

3

Гул машин, образовавшееся облако густой пыли и женские визги делают это приветственное шоу ещё более эксцентричным. Я бы даже оценила, не будь на моей шее мерзких тонких пальцев.

А когда толпа расступается, и появляется он... я забываю, что такое дышать...

Красивый, уверенный, одетый с иголочки в классические брюки и спортивное поло. Его немного смуглая кожа переливается на солнце. Движения грациозные, но не такие, как у женщин, скорее, как у хищных зверей перед нападением.

Он смотрит на всех из-под своих темных очков холодно, безразлично, и лишь когда его взгляд останавливается на мне, он снимает их. И я тону в этих безднах, обрамленных густыми темными бровями.

Сведя их к переносице, он смотрит на нас издали и наклоняет голову. Дальше не вижу его, Ринат хватается меня за подбородок и поворачивает к себе.

— Если отсосешь мне, обещаю быть с тобой более нежным,мышь, — ухмыляется, мерзко жуя жвачку и смотря на меня с нескрываемым желанием.

Ублюдок блефует, когда говорит, что я противная и жалкая. Всегда знала, что привлекаю его. Он хочет меня, но знает, что я лучше сдохну, чем дам ему.

Но никогда раньше он не делал мне сексуальных намеков. Всегда лишь мерзкие издевательства. И сейчас, когда он применяет силу и давит меня в сторону своих брюк, я снова кричу и вырываюсь, а потом собираю всю горечь, что есть во рту, и плюю ему прямо в лицо.

Лицо Рината на глазах краснеет, ноздри вздуваются, словно у быка перед красной тряпкой. Он тянет меня за худи и вытирает им свое лицо, а потом замахивается огромной ладонью, и я резко зажмуриваюсь, обхватывая себя руками, ожидая удара.

4

Лучше пусть бьет, чем такое требует.

Секунда, две, три... Я боюсь открывать глаза, думая, что он выжидает. Хочет ударить меня неподготовленную...

Но я понимаю, что ошибаюсь, когда ловлю резкий наплыв в воздухе древесного аромата, перемешанного с нотами мяты.

Открываю сначала один глаз, затем второй и наблюдаю, как повисшая в воздухе рука Рината перехвачена другой... смуглой, массивной, с болтающимися на ней, уверена, дорогими часами.

— Встань, — не сразу понимаю, что чарующий голос обращается ко мне.

Обескуражено смотрю на это идеально вылепленное лицо, и лишь когда он приподнимает бровь и сжимает губы, кивая мне в сторону, я мгновенно подскакиваю и убегаю.

Через несколько метров решаю остановиться и оглянуться...

В этот же момент крик Рината заполняет все пространство придворовой территории университета.

Хватаясь за... сломанную надвое руку, он катается по земле, выкрикивая что-то нечленораздельное, а новенький с бесстрастным выражением лица перешагивает через него, пристально смотря мне в глаза. Ужас заполняет сознание. Такая открытая бесчеловечность заставляет усомниться в существовании чего-то светлого в этом мире.

Он идёт прямо на меня, не отрывая своего взгляда. Тушуюсь под ним, свой отвожу, и когда он подходит, уже приоткрываю рот, чтобы сказать... Да я даже не знаю, что сказать собиралась, ведь он не дает мне и шанса на это. Равнодушно проходит мимо, оставляя за собой лишь приятный шлейф, который теперь я уже никогда не забуду.

Эту жестокость... Он сломал ему руку из-за меня...

5

Развернувшись и побежав по лестнице, я мечтаю скорее оказаться в аудитории, открыть книги и отвлечься от этого ужаса!

Весь день за спиной то и дело шепчутся о сегодняшнем случае. Даже наушники не помогают абстрагироваться. Пишу Олеся смс о случившемся и ее реакция не заставляет себя долго ждать.

«Жду тебя у себя после занятий!»

С радостью... Ведь идти домой в таком состоянии вообще не хочется.

Остаток дня проходит относительно спокойно. Рината сразу же забрала скорая, но, ожидаемо, полиция не приехала за новеньким.

Владислав Царев.

Фамилия подстать поведению. Девочки все уши прожужжали о том, какой он идеальный, холодный и недоступный. Выяснили о нём всю информацию, количество меняющихся в постели партнерш и даже знак зодиака! Овен! Тупые идиотки. Как можно видеть в нём красоту, когда он хладнокровно руку другому человеку сломал?!

— Ну что, Микаэла, довольна, что из-за тебя Ринат пострадал? Небось ссылся, что Влад с тобой разговаривал, — звучит за спиной ядовитое послание местной дивы Алены.

Не имея ни малейшего желания с ней кусаться, после окончания пары хватаю рюкзак и сразу же бегу в сторону выхода.

Мне просто катастрофически не хватает воздуха. Как всегда, натянув капюшон пониже, вижу лишь свои мельтешащие кроссовки, что быстро перебегают по ламинату.

Новенький, новенький, новенький... Голова разрывается от этих разговоров. Одни молятся на его внешность, другие до жути боятся.

А посередине я, которая не видит в нём идеала и определённо точно не боится.

Почему-то в момент, когда он защитил меня, пусть даже таким чудовищным способом, я поняла, что *мне* он вред не причинит.

Почти добегаю к двери, будучи расфокусированная своими размышлениями, как впечатываюсь во что-то крепкое, цепкое, с уже знакомым мне ароматом дерева и мяты... Сначала даже думаю, что мне чудится, ибо я только и делала, что думала о *ней*.

Но осознание приходит в тот момент, когда я ощущаю крепкий нажим на моей талии и грудную клетку, что трепещет под моими ладонями.

Боюсь поднимать голову, ведь сердце у меня одно, и сейчас оно в секунде от того, чтобы остановиться.

6

Глава 2

— Извините, — произношу на автомате, не поднимая головы. Голос звучит каким-то пискляво-искаженным. Наверное от нервов.

Отталкиваюсь от его стальных мышц, обтянутых поло, но жесткая хватка на моей талии не позволяет мне быстро сбежать, как планировала.

Вместо этого ощущаю, как он наклоняется. Мой нос почти впечатывается в его грудь.

Да чем он брызгается таким, что хочется втянуть носом аромат и смаковать, раскладывая его на оттенки?!

— Смотрю, любишь встречать в неприятности, — раздается его низкий бархатистый голос.

Хватка на моей талии усиливается, что начинает приносить дискомфорт, но это ничего по сравнению с тем, что он говорит мне после...

— Если планировала так привлечь моё внимание, а потом врезаться при всевозможных случаях, то лучше перестань, иначе я стану для тебя худшим адом, чем тот мерзкий ушлепок, — выдает он, и мои глаза расширяются до размеров вселенских орбит.

Он считает, что я специально это делаю?!

Голова машинально откидывается назад, а глаза встречаются с его... Темнота, царящая в них, не пугает. Скорее злит.

— Тебе нужно что-то сделать с манией величия. Отпусти меня и никогда не подходи. Обещаю делать то же самое, — выговариваю ему, стойко глядя в глаза, но голос... За что он предательски поднимается на активу выше?!

В воздухе искрит, я вижу, как гуляют его желваки на скулах. Он ухмыляется, блеснув идеально белой полуулыбкой с острым, словно отточенным, клыком.

Чарующая энергетика действует на моё предательское тело, и лишь голова бьет тревогу и заставляет держать себя в твердом состоянии, а не растекаться лужицей, как это делают другие.

7

Ощувив небольшое послабление, я кладу руку на его горячую ладонь. Сотни импульсов пробегают по коже, стоит почувствовать его кожу своими пальцами. Его ладонь такая огромная по сравнению с моей, но при этом гармоничная относительно его тела. Кажется, сомкни он посильнее, может раздробить меня пополам.

— Убери! — одергиваю его руку, выкручиваясь из запретного капкана.

Он позволяет мне это сделать. Я уверена в этом.

И он больше не улыбается. Вообще на меня не смотрит. Принципиально отводит взгляд и уходит, чуть не задевая меня плечом, словно ничего не произошло и меня вообще не существует на этом месте.

Делаю глубокий вдох и медленный выдох, успокаивая беснующееся сердце.

Надеюсь, теперь он понимает, что мне глубоко плевать на его персону, и не будет больше трогать.

Больше времени не теряю. Сразу же бегу к подруге, которая сходу заставляет рассказать, что у меня случилось. Передаю в общих чертах, но даже этого хватает, чтобы вызвать у неё шок.

Она учится на другом факультете, и мы очень редко попадаем на общие лекции. Даже занятия у неё проходят в другом корпусе, поэтому я одиноко хожу в универ и рассказываю ей новости лишь дома.

Но в этот раз и она шокирует меня одним известием...

— Олесь, мне незачем туда идти, правда. Я не хочу привлекать к себе лишнее внимание. А вдруг я увижу там кого-то из универа? — ною подруге, решившей отправить меня вместо себя на светскую вечеринку по случаю открытия очередного бизнес-проекта партнера ее отца.

— Ну пожалуйста, Мика, — складывает ладони на груди в умоляющем жесте. — Ты же понимаешь, что это тот редкий случай, когда я могу полночи провести с Антоном.

Родители моей подруги старых нравов и советской закалки. Они не позволяют ей встречаться с неудобными для них парнями, гулять допоздна и, конечно же, оставаться на ночь у кого-то. Особенно, если этот «кто-то» — мужского пола.

8

— Ладно, — устало выдыхаю, потому что у меня, в отличие от неё, нет ни таких проблем с родителями, ни парня...

— Ты — лучшая, — прыгает на меня подруга, словно сайгак, и мы вместе падаем на кровать, визжа и тараня друг друга подвернувшимися под руку подушками.

Спустя несколько минут она подсакивает и принимается делать из меня «себя». Вечеринка планируется тематическая. В стиле викторианской эпохи девятнадцатого века. Олеся достает из шкафа шикарное золотистое платье в пол, обшитое стеклярусом и переливающимися камнями. Судя по тому, с каким трудом его выдерживает подруга, весит оно целую тонну.

Передав мне платье, она подходит к туалетному столику и достает оттуда такого же цвета маску.

— А вот это сделает тебя максимально незаметной, — подходит ко мне и, отодвинув огромную шевелюру моих кудрявых волос, завязывает это произведение искусства мне на глаза.

— Только вот волосы...

Мы с Олесей обе темненькие и примерно одного роста, только вот мои волосы пушистые и кудрявые, а ее... тонкие и прямые.

— Мы их век выпрямлять будем... — стонет она. — Ладно, потом при маме скажу как-нибудь, что ты мне весь день их крутила на карандаш.

Хихикаем, после чего я надеваю и само платье.

Кручусь, словно принцесса. Только вот наиболее подходящая из них Золушка, наверное.

До 12 нужно вернуться, все, что на мне — мне не принадлежит и после полуночи исчезнет... Ну точно Золушка...

Смотрю в зеркало, плавно огибаю изгибы своего тела, что до этого момента мне казалось совсем не привлекательным, иначе почему бы в универе всем меня травить?

9

Сейчас кажется, что я выгляжу превосходно: тонкая талия, выразительная грудь и бедра, что мастерски подчеркивает платье, открытая шея, четкий контур ключиц... Провожу по ним пальцами и мурашки по коже пробегают.

— Ты такая красавица, — восторженно заключает подруга. — Почему ты не одеваешься так в универ? Вечно закрываешься, мешки какие-то носишь.

— Это все из-за платья. Сниму его и от меня ничего не останется.

— Ты можешь подчеркивать свою красоту каждый день...

— Нет, — перебиваю подругу, нервно стягивая платье. — Это ты можешь ее подчеркивать, а у меня нет на это ни средств, ни желания. Мне нужно думать о том, как больше отложить денег, где купить подешевле еды и как бы насобирать маме на лечение.

Подруга сникает, ведь никогда в жизни не работала, а уж что такое «нехватка», и подавно не знает. Нет у неё этой проблемы. И я не в укоризну говорю. Она прекрасный человек, и я никогда не хотела бы, чтобы она хотя бы на день встала на моё место.

— Иди сюда, — заключает меня в свои объятия, после чего мы смотрим фильм, а потом ложимся спать.

В отличие от ее родителей, мои были не в состоянии отслеживать моё местонахождение.

Отца не было с нами уже десять лет, он бросил маму и переехал в другой город, забыв о нашем существовании, а мама... под постоянным контролем врачей.

Я снимаю комнату на окраине города, и поэтому по четвергам всегда остаюсь у Олеси с ночевкой, чтобы в пятницу успеть на единственную пару, проходящую в другом корпусе возле ее дома. Да и вечеринка запланирована на вечер субботы, так что эти несколько дней я могу не переживать о том, что есть и где спать.

Звучит ужасно?

Но это моя жизнь, которая осложнялась присутствием в ней Рината, а теперь сулит неизвестностью...

10

На следующий день еду с Олесей на одну из редчайших лекций, которая у нас совпадает. Королева Алена уже сидит у университетского фонтана, громко визжа и хохоча. Очевидно, что она всячески пытается привлечь внимание. Об этом говорит не только ее вызывающее поведение, но и идеальные локоны светлых волос, уложенных на одну сторону, кремовое платье-пиджак и прозрачные лодочки на высоченных каблуках. И все бы ничего, но аксессуары в виде бриллиантовой кафы и браслетов на самом деле заставляют задержать на ней взгляд дольше положенного.

Она всегда ходит в университет при параде, но не так, будто на вечер светский собралась.

— И его отец очень хорошо знаком с моим! Так что нас представят официально! — продолжает она орать на весь универ.

— Это она про новенького, сто процентов, — подмечает Олеся.

— Да мне все равно, пойдем скорее, не хочу ее видеть.

Огибая фонтан, я стараюсь быстрее промелькнуть ко входу, но не успеваю, писклявый фальцет вынуждает остановиться.

— Слышала, ты вчера специально влетела во Влада. Вообще больная?

Слышу за спиной цокот каблуков, а следом меня грубо разворачивает тонкая ладонь. Поддаюсь ей лишь от неожиданности. Краем глаза замечаю, как верные «псы» королевы окружили вырывающуюся Олесю.

За подругу спокойна. Они не посмеют ей что-то сделать, ведь ее родители не смогут им этого простить, в отличие от моих...

— Дрянь!

Щеку обжигает хлесткая пощечина, после чего прямо в лицо льется ее остывший кофе.

Обида жжет внутренности. Не сразу ощущаю, что ее друзья крепко держат меня за руки. Я брыкаюсь, кричу, насылаю на неё все виды проклятий, но она лишь смеется.

— Ты испачкалась, тебе нужно умыться, — произносит мегера, а потом черпает в фонтане стаканчиком от кофе воду и плескает прямо на меня.

Колени подгибаются от бессилия и унижения.

Закусываю губу, чтобы не расплакаться.

— Будешь знать, как вертеть задницей перед теми, кто на тебя даже не посмотрит! Снимите с неё это! — дает указание парням.

И только потом до меня доходит...

— Нет! — падаю на колени, скручиваясь в роголик, лишь бы не посмели меня трогать, но они ловко растягивают меня, а потом стягивают с головы толстовку, оставляя в тонкой, просвечивающей розовый бюстгалтер, майке.

— Вы — звери! — смотря на них с презрением, выплевываю я, но они лишь смеются, пиная ногами мою толстовку в фонтан.

— Ублюдки! — кричит за спиной Олеся, повиснувшая на руках других парней.

Прикрыв руками грудь, забиваю на отлетевший в сторону рюкзак, телефон, и бегу в уборную.

Все столпившиеся студенты смеются и тычут в меня телефоны. Я едва могу сдержать рвущийся наружу потоп. Держать все в себе — это дико сложно. Тогда эта боль не выходит, а живёт в тебе, срастается с тобой, единым целым становится!

Забегаю в уборную, но девочки, бежавшие следом и уже посмотревшие ролик, что, уверена, транслируется во всех университетских чатах, закрывают мне вход.

— Вертихвосткам вход запрещен, не знала? — делает шаг в мою сторону полная, выше меня на голову, девушка.

Стискиваю пальцы в кулаки. Отчаяние захлестывает хуже боли, что уже пережила.

— Крутой лиф, да и сиськи зачетные, — слышу смешки студентов.

— Так бы и всунул между ними!

— Зачем за толстовками прятала?

Больше не слушаю. Растолкав это сборище жестоких ублюдков, спешу в единственно доступное мне место.

Я узнала о нём, когда вызывалась волонтером. Мы складывали сюда инвентарь. Чердак. А на нём дверь, ведущая на крышу.

Я давно сделала дубликат ключей, которые находились в связке с теми, что мне давали от чердака, и прицепила их к своим ключам от квартиры, что всегда носила в кармане джинсов.

Забежав наверх, бегу по раскиданным на полу тряпкам, рассыпавшемуся инвентарю с нового года, а потом, судорожно отмыкая дверь, распаиваю ее и делаю шаг на крышу.

Воздух свежий вдыхаю, наполняя лёгкие кислородом и минуткой спокойствия.

К краю самому подхожу и, ступив на ограждение, раскидываю руки.

Университет двадцатипятиэтажный. Снизу никому меня не видно, да и стою я в сторону ботанического сада, где утром никого не бывает.

Постояв немного, присаживаюсь на край, спуская в опасную невесомость ноги.

Меня не пугает высота. Меня пугают люди, что так жестоко себя ведут по отношению к человеку, который их вообще не трогает!

Укладываю лицо на ладони, упираясь локтями в колени, и даю волю накопившимся слезам.

Только там, где никого нет, я могу спокойно поплакать.

— Если решила сдохнуть, можно выбрать менее болезненный и привлекающий внимание способ.

Оборачиваюсь, вздрагивая, и чуть не падаю от испуга, но быстрая реакция новенького не дает этому случиться.

Дернув меня за руку, второй рукой перехватывает за талию, подтягивает и ставит на ноги, все ещё крепко прижимая к себе.

— Ты сумасшедшая? — повышает голос. Его верхняя губа дергается от злости, а глаза горят бешенством. — Ещё секунда, и ты бы слетела, идиотка!

Вытираю все ещё залитое слезами лицо, пытаюсь прийти в себя. В голове пустота, мысли путаются, страх туманит сознание. Я пытаюсь сдержать новые потоки слез, но они все льют и льют.

— Это все из-за тебя! — выливаю на него всю скопившуюся агрессию и бью по плечу. — Все, что со мной происходит — из-за тебя! — истерика берет вверх, и я уже не контролирую эмоции.

Он в удивлении выгибает бровь и отходит.

— Меня унизили из-за тебя! Я чуть не упала из-за тебя! Ты! Моя проблема - это т...

Он будто не слушает меня. Равнодушно закатив глаза, он стягивает с себя бомбер, подходит ко мне и накидывает на мои плечи, пока я извергаю из себя весь негатив, что накопился.

Поздно замечаю его скользнувший по моей груди взгляд и кутаюсь в спасательную ткань, так сильно пахнущую тем самым запахом... Его запахом.

— Если ждёшь бла...

Не успеваю договорить, он разворачивается и, засунув руки в карманы брюк, выходит через открытую дверь чердака, а я так и замираю, стоя на крыше в его куртке.

Снова хочется плакать. Если бы можно было телепортироваться в другое место и сменить место учебы, я бы сделала это.

Но реальность такова, что сейчас, будучи погрязшей в слухах о легкомысленности по отношению к новенькому, мне предстоит выйти в люди в его бомбере...

11

Глава 5

— Мика! — слышу взволнованный голос подруги спустя... по ощущениям, минут десять. — Господи, как ты? — влетает она в меня, обхватывая за плечи.

— Нормально, — безэмоционально отвечаю я. Наверное ловлю отходняк после адреналинового всплеска. Эмоции на сегодня закончились, и пришло долгожданное смирение.

— Они перешли все границы! Почему ты не позволяешь мне вмешать моих родителей?

— Не хочу, Лесь. Это не поможет, а я не хочу, чтобы твоя семья пострадала.

— Этого не будет!

— Я не хочу, — давя тоном, и подруга, хоть и не приняв ответ, смиренно поджимает губы.

— Иногда хочется тебя стукнуть за упрямство, но потом вспоминаю, что тебе и без меня достаётся.

Улыбаюсь на ее шутку и несильно толкаю в плечо.

— Это что такое на тебе? — только сейчас замечает бомбер новенького, и я закатываю глаза после ее протяжного «о-о-го-о».

— Да, он был тут. Из-за него я чуть не слетела с крыши, потом он меня спас, потом я вывалила на него все грехи мира, после чего он оставил мне свой бомбер и ушел.

— Нихрена не понятно, но ты мне все обязательно расскажешь. Вот, кстати, твой рюкзак. Там куча всего посыпалось, я вроде все собрала, но толстовку и телефон... — передает мне его части, — было не спасти.

Обнимаю ее крепко и думаю, что из-за меня и ей достаётся...

— Прости, что переживаешь это вместе со мной.

— С ума сошла? Тебе-то за что извиняться? Эти ублюдки за все ответят, просто время ещё не пришло. Ладно, идём на пару, и я жду досконального пересказа разговора с новеньким. Ты же понимаешь, что если сейчас они увидят тебя в его бомбере, то подумают, что он тебя защищает?

— Или то, что я с ним сплю, — предполагаю наиболее вероятный вариант.

— Одно другому не мешает, зато от тебя отстанут!

Нехотя стягиваю с себя его одежду, прижимая к груди.

— Дай мне, пожалуйста, свой пиджак. Не смогу это сделать.

— Уверена? Я правда думаю, что они остынут после этого. Хотя бы из-за страха к нему. Ты не подумала, что, возможно, он поэтому это и сделал.

— Ничего он специально не делал. Просто...

А что просто, Микаэла? Признай уже, наконец, что он защитил тебя от придурка Рината, спас тебя от нелепой смерти от падения и дал бомбер, только бы сохранить гроши моей чести. Ну и что, что ведёт себя как высокомерный придурок? Пока это не мешает жить.

На паре ожидаемо все косятся в мою сторону. Чаты забиты моими фотографиями и сильно преувеличенными новостями произошедшего.

— Не обращай на них внимание, — подбадривает Олеся, но что ей ещё делать в такой ситуации?

Постоянно направленные на меня осуждающие взгляды напрягают. Ком в горле не глотаётся, хочется запить его, заесть, только бы избавиться!

— Я выйду на минутку, — шепчу подруге, хватая со стола разбитый телефон.

По пути одинокая слеза все же скатывается по щеке. Забегаю в столовую. Пока идут пары там обычно никого не бывает. И я не ошибаюсь. Взяв стакан воды и заняв самый дальний столик, достаю части телефона и пытаюсь собрать его.

Они что, и его утопили? Все детали мокрые, а по экрану расползаются уродливый трещины.

Залпом осушаю стакан и чуть закашливаюсь, когда слышу за спиной его голос.

— Кто это сделал?

Шаги приближаются, а потом стул за моим столом отодвигается и на него с видом вселенского господства восседает Влад.

— Тебе какая разница?

Он что, преследует меня? Что ему нужно?

— Я задал тебе вопрос. К чему лишние разговоры?

Теряю дар речи от его наглости и ощущения скуки на его лице.

— Тогда и не разговаривай! — встаю со стула, судорожно хватая детали телефона, и уже хочу развернуться, как тяжелая смуглая рука перехватывает меня за локоть.

— Села, — безапелляционно давит тоном, словно я провинилась перед ним в чем-то.

Достали!

— Если не отпустишь, я тебя укушу!

Взметнувшиеся от удивления брови парня указывают на то, что он явно удивлён моим ответом. Его хватка на мой руке ослабевает, и я вырываю ее.

Выхожу из столовой так быстро, как только могу. Остановившись за углом, восстанавливаю дыхание, чтобы в спокойном состоянии зайти в аудиторию, но стоит мне повернуть за угол... как я снова вижу его.

Стоит сейчас спиной ко мне рядом с Аленой. Он протягивает руку к ее платью и подцепляет край у ворота. Она смеётся и поправляет и без того идеальную укладку.

Смотреть противно. И я не смотрю. Открыв дверь в аудиторию, влетаю на свое место, достаю остатки телефона из кармана и снова пытаюсь его собрать.

— Ты где была так долго? — шепчет Олеся.

— Там, где мне глаза раскрыли, — нервно пихаю уже подсохшую батарейку в корпус.

— Он будет работать?

— Вряд ли.

Ловлю себя на мысли, что делаю бессмысленные вещи. И думаю о бессмысленных вещах. Взгляд цепляется за лежащий под партой бомбер. Сминаю в кулак ткань и сразу же после лекции выхожу из аудитории, мечтая раз и навсегда уничтожить малейшую связь с этим странным парнем.

Добежав до стены с расписанием, смотрю на 5 курс. Та-а-ак. 308 аудитория. Как раз возле подсобки. Отдам ему бомбер там, чтобы никто не увидел.

Но стоит мне только приблизиться к аудитории, как я слышу отчетливый громкий женский стон, доносящийся из той самой подсобки...

Тошнота подкатывает к горлу, когда я понимаю, кому принадлежит этот стон.

Алене...

12

Глава 6

На моих глазах дверь открывается и, не дав любопытному взгляду скользнуть внутрь, Влад выходит оттуда со своим привычным каменным выражением лица.

А мне блевать хочется от того, что могла считать его другим.

Он же сейчас с ней там...

Кривлю губы, не сдерживая выражение омерзения на лице.

— Забери, — швыряю в него бомбер. Глаза, ещё минуту назад выражающие вселенскую скуку сужаются, желваки на скулах напрягаются, а сам он делает шаг вперёд.

— Ты обалдела? — низким тоном произносит он, разгоняя мурашки по коже.

— Ты... — слова теряются в бесконтрольном потоке мыслей. — Ты омерзителен, — киваю на дверь, но он лишь вопросительно вскидывает брови.

Я резко разворачиваюсь, не в силах продолжать диалог. Да и цель, из-за которой я его искала — достигнута. Однако он не позволяет. Хватает за руку и резко разворачивает, впечатывает в свою грудь, отчего мой телефон, который держала в кармане, снова падает и разлетается на детали.

Смаргиваю дурацкую предательскую слезинку, и он снова видит это. Мою слабость. Сжимаю кулаки и рывком отталкиваю его от себя, а потом наклоняюсь, чтобы собрать детали... прямо у его ног.

Быстро собрав основное, не могу найти лишь батарейку. Заметив ее почти у его ботинка, тянусь рукой, но он отодвигает свой кросс и наступает на неё.

Отвратительное ощущение. Хуже, чем когда надо мной издевался Ринат или Алена.

Потому что от них это было ожидаемо, но получить вдобавок ещё и от него... Наверное, за два дня он понял, что издеваться надо мной веселее, чем помогать.

— Убери ногу, — выдавливаю из себя слова через ком в горле.

Он стоит несколько секунд, а потом опускается на корточки и внимательно вглядывается в моё лицо.

— Он поломан. Ты не спасаешь его, — произносит отстраненно.

— Я отдам его в мастерскую, — отвожу взгляд, сминая пиджак Олеси. — Отойди, ты ее раздавишь. Ты... — шмыгаю, — испортишь ее.

— Посмотри на меня, — снова этот повелительный тон.

Да иди к своей Алене, зачем ты меня трогаешь вообще?

— Убери ногу...

— Я сказал на меня смотри, — разворачивает меня за подбородок, вынуждая заглянуть в его черные бездонные глаза. — Хватит ныть. Хватит голову опускать. Хватит позволять эту хуету с собой делать. Ещё раз увижу, что позволила — лично выпорю! Уяснила? — угрожающе целит мне в лицо, а потом так же резко встаёт, откидывая ногой в сторону мою батарейку.

От шока прийти в себя не могу, поэтому продолжаю сидеть и ждать, пока уйдет, но он не делает этого. Вместо этого протягивает мне свою ладонь с витиеватыми татуировками по окружности.

— Вставай.

Поднимаюсь без его помощи и разворачиваюсь в другую сторону.

На этот раз не останавливает.

Боюсь, если остановил бы, я бы просто задохнулась. Его энергетика настолько давит, что я дышать в его присутствии нормально не могу. Жуткий тип. Ещё и так легко рассуждает обо всём.

Что он сказал? Выпорет меня, если увидит, что надо мной издеваются?

Точно больной!

Если бы я могла это прекратить, то уже давно сделала бы!

С Олесей встречаемся на выходе. Подождав ее водителя, едем напрямиком на квартиру.

Завтра я обещала сходить вместо неё на званый тематический ужин. После сегодняшнего, состояние у меня хуже, чем у половой тряпки, но я ведь обещала ей...

Да и, возможно, хотя бы день в роли нормального человека, пойдёт мне на пользу?

Возможно, хотя бы день я смогу пообщаться с людьми на равных?!

13

Глава 7

Утром Леся радует меня новостью о том, что ей удалось починить мой телефон. Трещины, конечно, остались, но главное — он работает! Не описать моей радости, потому что тратить деньги на новый, когда я ещё не оплатила недельное содержание мамы — просто невозможно.

Что касается вечеринки... На сборы у нас уходит почти три часа! После почти бессонной ночи, проведенной в рыданиях и психологических разговорах, мы с Лесей утром выглядели как две селедки холодного копчения. И чтобы привести себя в порядок, понадобилось очень много времени.

Однако, это явно того стоило...

Помыв голову какими-то специальными шампунями и высушив их брашингом, я не узнаю по итогу свои волосы. Они становятся не пушистыми, как обычно, а именно кучерявыми, отдавая золотыми отливами на моих темно-русых прядях. А золотое платье с маской лишь подчеркивают их пшеничные приливы.

С макияжем мы не заморачиваемся. От природы густые и пышные ресницы мы хорошо прокрашиваем тушью, темним веко тенями и акцентируем серединку блестками, из-за чего мои небесно голубые глаза выделяются ещё сильнее.

Мои пухлые, как говорит Леся, губы покрываем нежно-розовым блеском.

— Ты такая красавица, — восторженно напевает Леся, пока я кручусь возле неё, как возле феи крестной из «Золушки».

— Это платье и макияж из любой бы сделали красавицу, — возражаю в ответ, и Леся строит мне недовольную гримасу.

— Ладно, я скажу маме, что уже поехала, она сейчас как раз с массажа должна приехать, так что поторопимся.

Вылетаем на улицу буквально за десять минут до приезда Лидии Петровны. Ей было очень жаль, что она не смогла увидеть дочь в наряде, а мы, мысленно поблагодарив всех Богов, разъехались по местам назначений. Она — к своему парню Антону, а я в Арт-Холл.

Через полчаса подъезжаю к огромному зданию в центре города. Из окна машины вижу фасад Арт-Холла, подсвеченный сотнями разноцветных огней. Он выглядит как нечто среднее между старым театром и современным лофт-пространством. Высокие окна, металлические конструкции, украшенные гирляндами, готические арки и яркая неоновая вывеска заставляют меня почувствовать, будто еще немного, и я попаду в совершенно другой мир.

Такси останавливается, водитель улыбается мне в зеркало и желает хорошего вечера. Я внимательно проверяю свой образ в отражении окна, поправляю маску и, сделав глубокий вдох, хватаю клатч, чтобы выйти. На улице звучит музыка, гул голосов долетает до меня даже через закрытую дверь. У входа уже стоят несколько человек, тоже в костюмах и масках. Они смеются и, кажется, прекрасно себя чувствуют.

Кажется, перед самым входом, я начинаю дико нервничать. Несмело подойдя к ним, вынимаю из сумочки пригласительную карточку и протягиваю с ней руку.

Мужчина бегло оглядывает ее, сверяет со списком и жестом приглашает внутрь.

Делаю рваный глубокий вход и захожу.

Входной холл большой и просторный, огни тёплые, но не слишком яркие, так что всё кажется немного загадочным. Вокруг царит атмосфера роскоши и таинственности. Взгляд скользит по людям: потрясающие платья, бархатные фраки, изящные маски, некоторые — с

перьями, а у кого-то с блёстками. Нереальное ощущение, будто я осталась одна в ожившей сказке или фильме.

Меня охватывает лёгкая паника: куда идти, что делать? Я медленнодвигаюсь вглубь зала, пытаюсь держать осанку. Дышу ровно и глубоко, чтобы скрыть нервозность. Музыка становится громче, гости объединяются в небольшие группы, кто-то смеётся, кто-то фотографируется. Я решаю остановиться у длинного стола с напитками и заставляю себя улыбнуться.

— Добрый вечер. Потрясающая маска, — раздаётся мужской голос рядом.

14

Я оборачиваюсь. Передо мной стоит парень в чёрном костюме и простой, но элегантной маске. Мы перекидываемся парой фраз — он тоже здесь первый раз. Сначала он даже кажется милым, когда поддерживает со мной обычную беседу «ни о чем», но потом, когда его руки всячески норовят ко мне прикоснуться, а расстояние, которое он выдерживает между нами, все больше и больше сокращается, пугаюсь и извинившись прощаюсь с ним.

Помахав на себя воображаемым веером из своей же руки, направляюсь в сторону закрытой веранды, надеясь немного перевести дух.

И чего я вообще здесь ожидала? Обрести новые знакомства? Пообщаться с интересными людьми? Да здесь все сплошь и рядом знакомые, и общаются только между собой, а те, кто этого не делают, все равно в разговоре пытаются понять, с кем ведут речь.

Радуюсь, когда ощущаю легкий ветерок прямо в лицо. На веранде намного тише. Она открыта, что позволяет насладиться тёмным небом. Вскидываю голову, чтобы посмотреть на звезды. Они редкие, но всё равно заметные. Ветер колышет мои волосы и гладит плечи. Я опираюсь на перила и закрываю глаза. Кажется, здесь мне становится намного легче.

Стою так некоторое время, пока не слышу, как за моей спиной раздаётся едва слышный скрип двери. Кто-то выходит на веранду. Шаги тихие, но уверенные. Я чувствую приближение этого человека и невольно выравниваю спину, стараясь выглядеть естественно — ну, насколько это возможно в длинном платье и маске.

Краем глаза вижу, как возле меня останавливается какой-то парень.

Его смокинг и элегантная маска отличаются от тех, что были на парне, желающем со мной познакомиться. Они прямо вопят о своей дороговизне и чопорности.

Парень выглядит как с обложки модного журнала.

— Красиво, правда? — стараюсь не смотреть на него, снова возводя глаза в небо.

Около минуты мне никто не отвечает. Даже неловко становится, но когда, наконец, голос незнакомца звучит, я теряю дар речи.

— Очень, — произносит до боли знакомый бас с легкой хрипотцой.

Кажется, пульс останавливается в миг, когда ловлю каждую произнесенную им букву.

Медленно опустив голову, оборачиваюсь.

В нос ударяет ставший за несколько дней привычным запах дерева и мяты, который до этого не давал услышать ветер.

Никакая маска не сможет перекрыть его темные глаза, виднеющиеся на шее татуировки, четко очерченные скулы, подбородок, пухлые губы и бешеную пугающую энергетику.

Всякие ситуации происходили в моей жизни до этого момента, но ни в одной из них, я не была так уверена, как в том, что напротив меня сейчас стоит ни кто иной как Владислав Царев.

— Прячешься? — задает он вопрос низким, спокойным голосом, став у края перегородки и посмотрев вдаль.

Какого быть рядом с мужчиной, которого ещё вчера ты мечтала больше никогда не видеть? И, кажется, этот мужчина абсолютно тебя не узнает. Конечно, наверняка я в его глазах лишь оборванкой была, которой он из жалости помогал. Иначе зачем бы ему это делать?

— Наверное так же, как и ты...

Голос на удивление ровный, хотя внутри все бурлит от переполняющих эмоций.

Он поворачивает голову и испытующе скользит взглядом по моему лицу, платью, останавливаясь на глазах.

— Я? В моем случае скорее красивых девушек поджидаю, — хмыкает он.

— Это шутка такая?

Он подходит ближе, но я не отступаю. Словно прирастаю к полу и сдвинуться ни на шаг не могу.

— А ты всегда покушение на свое личное пространство за шутку воспринимаешь? — давит он, и мне уже вообще не смешно становится.

15

— А что насчёт тебя? — парирую в ответ, понимая, что эта маска позволяет мне быть немного смелее. — Всегда врываешься в чужое спокойствие и вносишь непонятный хаос? Мне не смешно, отойди от меня.

Теперь он улыбается.

Боже.

Он улыбается. Показывает край идеально белых ровных зубов. Мне же не кажется?

— Да. Нет. Возможно. Зависит от человека, — загадочно отвечает он, но все же немного отходит.

— Ты меня напугал.

— Я не хотел этого.

Его голос становится мягче, а тон ещё ниже и бархатистее.

— А чего тогда хотел?

Он замолкает, немного наклоняет голову, чуть приподнимая одну бровь. Уголок его губ вздрагивает, будто он хочет что-то сказать, но медлит, обдумывая каждое слово.

— Хотел увидеть в человеке искренность, — очередной раз удивляет он.

— Искренность? — даже переспрашиваю от удивления. Он что, маньяк?

— Именно. Разве ты не сбежала оттуда, потому что там сборище лицемеров, стремящихся лишь в очередной раз ткнуть друг друга лицом в свое превосходство.

— Говорит человек в костюме за несколько миллионов. Почти уверена в этом.

— Ты права, — устало произносит он, наклоняя голову. — Я самый большой лицемер из них всех.

Что-то в его словах заставляет задумать о его жизни. Становится интересно, что такого спрятано в его голове, из-за чего он так мыслит. Он казался таким свободным, холодным, без единой проблемы в голове... а по факту...

Ловлю себя на мысли, что мне интересно то, о чем он думает.

— Что ты здесь на самом деле делаешь? — спрашиваю его, совсем осмелев.

— На веранде или на вечеринке?

— Для начала, на вечеринке...

Сердце стучит как бешеное, когда он делает ко мне шаг, а затем второй и, перехватив за талию и руку, плавно поднимает и медленно кружит.

— Может я фанат викторианской эпохи и всю жизнь мечтал станцевать вальс с какой-нибудь прекрасной незнакомкой в золотом платье.

— Очень смешно, — едва слышно произношу, смотря в его темные, пугающие глаза. Лицо Влада настолько близко к моему, что я чувствую его дыхание на своей щеке. Волнительно и будоражаще.

Адское месиво. Как и он сам.

— Думаю, ты просто нашел способ выделиться среди них, не восхваляясь богатством. Этого добра здесь у всех полно, а вот быть отшельником, человеком, которого ничего из этого не интересует — способ выделиться.

Прикусываю язык совсем не вовремя. Выложив ему все, как на духу, упираюсь ладонями в его накаченный торс, пока он испытующе разглядывает моё лицо.

— Интересно, — хмыкает он, оскалившись, а потом, наплевав на моё сопротивление, сильнее прижимает меня к своему телу, губами прикасаясь к уху. — Давай я тоже попробую, — задевает мою кожу при разговоре, разгоняя кровь по венам.

Дико горячо. Места, где он меня трогает, безумно горят! Я прерывисто вдыхаю, разглядывая оголившуюся часть его массивной шеи.

И этот запах... прямо у моего носа... с ума сводит.

— Красивая, но одинокая. Пришла сюда, чтобы пообщаться с людьми на равных, а в итоге все равно ничего не изменилось. Есть на людях маски или нет, если они не твои, то будь они хоть насильно приставлены к тебе, ничего не выйдет. Нужны общие цели, интересы... А ту, которая ценит красоту звезд в темном небе и дуновение ветра в лицо явно никто здесь не заинтересует. Поэтому ты и стоишь тут совсем одна. Тебя не принимают...

Его голос вводит меня в транс. Слова проникают глубоко в сердце и оседают в сознании. Ноги подкашиваются, и я бы упала, если б не крепкие руки, обвивающие мою талию.

— Отпусти меня, — чеканю грубо, выдавая обиду в голосе. Он прав. Как же он прав, но я абсолютно не готова это слышать.

— Не хочу.

16

Не хочу, — нагло раскачивает нас из стороны в сторону, не прекращая держать мою талию. — Ты вкусно пахнешь. Мандарин, сладкая конфета и что-то терпкое... — продолжает, уткнувшись носом в мою шею и вызвав просто нереальный шквал негодования, но он пресекает все попытки вырваться, — нет, словно лимон окунули в мед. Свежо... и чертовски сладко.

Замираю на этих словах. Не дышу. Слышу его барабанищую трель в груди. Он тоже нервничает. Кончиками пальцев своих это ощущаю. Что он творит вообще? Чего добивается?

— Ты смеешься? Заметил аромат моих духов?

— Сложно не заметить то, что настолько сильно будоражит, — спокойно отвечает, а у меня волосы дыбом становятся от напоминания о том, как его самого запах влияет на мои рецепторы. Да он же словно поселился на них и не хочет забываться!

— Это, — мой голос уже откровенно дрожит, — трюк какой-то?

— Трюк?

— Сначала напугать, потом пошутить, вторгнуться в личное пространство, не отпустить, а в самом конце ещё и лимон с медом. Впечатляющая схема, многие девушки клюнули?

Сначала он стоит неподвижно, а потом я слышу короткий тихий смешок. Затем ещё один, после которого чувствую, что его хватка на моей талии ослабевает.

И только я делаю шаг, чтобы обогнуть его и уйти, как он резко разворачивает меня, прижимая спиной к своей груди и лицом к краю веранды и кладет лицо на моё плечо.

Моё частое и рваное дыхание отражается на часто вздымающейся груди.

— Обычно они клюют сразу же, как я на глаза им попадаюсь. Видимо, с тобой это не работает, потому что я в маске, так что решил идти ва-банк.

Какой же... Самовлюбленный! Видела я лицо твое и что-то желания к ногам пасть не возникло.

— Почему я? Ты меня пять минут от силы видишь...

— Мне кажется, что тебе и пяти минут не нужно, чтобы привлечь чье-то внимание, — произносит прямо у моего уха, заставляя меня нервно сглотнуть накопившуюся слюну. — Как тебя зовут?

Тело охватывает такая дурманящая слабость. Кому не нравится мужское внимание? Особенно, когда это внимание самого популярного парня университета... Вот только, стоит ему узнать, кто я, сказка рассеется, морок спадет, платье превратится в черное худи, карета с водителем в тыкву, а внимание парня в очередные насмешки и унижения.

— Достаточно! — собираю всю силу и грубо скидываю с себя его руки, а потом отшатываюсь в противоположную сторону.

Влад стоит у ограждения, облокотившись на него и засунув руки в карманы. На его губах играет усмешка.

— Скажи мне свое имя. Я все равно узнаю, кто ты, — спокойным тоном переспрашивает он, но я вижу, как напрягается в этот момент ещё челюсть.

— Зачем тебе это?

— Потому что это нечестно. Ты ведешь себя так, — задумывается, — странно. Хочу знать, как ты выглядишь.

— Хочу, скажи, все равно узнаю... — цитирую его фразы. — Хотел выделиться среди властных снобов, но кровь не вода, так ведь? — теперь откровенно злюсь на его угрозы. — Хочешь узнать, кто я — дерзай, я в тебя верю. Только учти один нюанс: разгадка тебе может совсем не понравиться.

Разворачиваюсь и громко цокая каблуками, возвращаюсь в зал.

Сердце стучит как бешеное, пока я восстанавливаю дыхание после своей тирады. Пальцы дрожат от перенапряжения, а ноги словно не держат из-за накатившей слабости.

Боже мой! Я ведь сейчас послала сына уважаемого криминального авторитета! Он же в два счета найти меня сможет! Потом в универе я буду страдать от этого каждый день!

Смотрю на часы. Половина двенадцатого.

Набрав номер водителя, иду в сторону выхода и думаю лишь о том, как бы поскорее вернуться домой. Нужно будет обсудить с Лесей эту ситуацию. Надеюсь, она не убьет меня за то, что прикрываясь ее именем, я даже тут умудрилась вляпаться в неприятности.

Почти дохожу до выхода, тяну за ручку двери, как ее тут же захлопывает большая и смуглая рука с закатанной на ней рубашкой и знакомыми болтающимися часами.

Сглатываю, но не поворачиваюсь.

Лишь ощущаю легкое дуновение у шеи.

— Я тебя ещё не отпускал. Мы не договорили...

После чего он подхватывает меня на руки под вырвавшийся визг, заглушаемый громкой музыкой вальса.

Кажется, эти эмоциональные гонки сегодняшнего дня никогда не закончатся, потому что я ожидаю чего угодно: еще одного разговора, флирта, возможно, ещё одной порции угроз, вопросов, но только не этого...

Влад заносит меня в какую-то комнату на верхнем этаже особняка и, развернувшись, защелкивает на замок дверь.

— Что ты делаешь? Я буду кричать! — отступаю назад, пока Влад оборачивается.

На его губах ухмылка, а в глазах пляшут бесовские огни.

— Кричи, — спокойно говорит он. — Люблю, когда девушки кричат.

17

Глава 8

— Ты... что, убиваешь их? — выпаливаю первое, что на ум приходит.

Он оглядывает меня оценивающим взглядом, а потом усмехается.

— Ага, и ем на ужин. Ты как раз такая аппетитная, — говорит серьезно, а у меня волосы на руках дыбом становятся. Медленно огибаю кровать, пока он стоит на том же месте, скрестив на своей массивной груди руки.

— Точно маньяк, — бубню себе под нос, и уже собираюсь заорать и позвать на помощь, как он закатывает глаза и опускает руки.

— Да расслабься, ты вообще шуток не понимаешь? Запуганная, словно зверек какой-то. Я хотел тебе кое-что показать здесь, пока ты не уехала. Тебе точно понравится.

Издаю истеричный смешок и фокусируюсь на его взгляде. Он сейчас издевается? Напугал меня до дрожащих коленок, а теперь что-то показать собрался?

Аррр!

— Ты обалдел? Подхватил меня у выхода, запер в комнате, а теперь говоришь о том, что мне что-то тут может понравиться?

— Тебе уже здесь кто-то нравится, — смеётся он, подходя ближе.

— Чего? — щурю глаза, абсолютно его не понимая.

— Успокойся. Я же сказал, что убивать тебя не собирался!

— А что тогда?!

— Насиловать тоже!

Жар тут же подкатывает к лицу, а взгляд падает к полу. ТерблЮ пайетку на платье, представляя, как Влад... кхм... мог бы это со мной делать.

— Или... — продолжает он, расценивая моё смущение по-своему. — Ты же в самом деле не думала, что я тебя тут насиловать собрался?

Вот прямо сейчас и подумала из-за тебя!

Видимо, моё всё ещё растерянное выражение лица говорит все за меня, потому что он ухмыляется и проходит мимо меня к балкону.

— Брось, для этого, как ты уже успела заметить, мне совсем не нужно никого красть, запирать и разбалтывать. У меня в этом дефицита нет. Ты мне нужна для другого.

Для другого? Господи, мысли в голове пытаются собраться в единую картинку, но назойливые воспоминания его пренебрежительных высокомерных взглядов и прошлого поведения не дают пасть под чарами этого парня. Он совсем не такой, каким я видела его в университете. Возможно, все дело в маске. Интересно, если бы сейчас я взяла и сняла ее, он бы опозорил меня и вышвырнул за дверь? Захотел бы он показать «что-то, что может мне понравиться» именно мне, а не девушке в золотом платье и маске...

— Для другого? — все, что могу выдать из себя.

Он протягивает мне руку, и я несмело вкладываю в нее свою.

Тепло.

Защита.

Возбуждение...

Гамма чувств, что я ощущаю, прикоснувшись к его коже. Кончики пальцев покалывают от бушующего в организме напряжения.

Кажется, ещё один контакт, и разряд огромной мощи, сконцентрированный в груди, взорвется, выдавая мое состояние.

Делаю шаг на балкон и... наслаждаюсь.

Нет, не видом. Этим мы насладились на веранде. Балкон украшен гирляндами. Они не мелькают, раздражая глаз, а совсем наоборот: успокаивают приятным теплым свечением. Посредине стоят два подвесных напольных кресла, набитых подушками, между которыми располагается аккуратный маленький столик с ноутбуком и книгой.

— Но как ты...

— Это моё здание, — обрушивает на меня информацию, сбивающую с толку.

— Это ведь...

— Да, арт - пространство. Но это помещение никогда и никому не сдаю. Если ты не заметила, это комната. Я прихожу сюда, когда реальная жизнь зае... — он осекается, проводя языком по своим губам, — черт, с тобой даже материться не хочется.

Улыбаюсь.

— Часто водишь сюда девушек? — задаю вопрос, пока прохожу вглубь, рассматривая разные стенды с книгами.

— Не думаю, что те, с кем я сплю, это бы оценили.

Разворачиваюсь, не зная как на это реагировать, но он делает вид, будто только что не выделил меня среди всех девушек, которых знает.

— Почему тогда кресла два?

Он замирает, словно я его пронзила чем-то. Я что-то не то спросила?

18

— Присядь.

Его тон меняется. Появляется резкая прохлада, что сквозит в его голосе по ту сторону... как в университете.

Послушно располагаюсь в кресле и жду его.

Он не спешит. Облокотившись о кресло, жмет глаза пальцами, словно они внезапно заболелись.

— Я что-то не то сказала?

Нервно ерзая на кресле, пока он подходит к своему, вальяжно падая на подушки.

— Какие фильмы любишь?

Меняет тему. Значит я действительно спросила что-то недопустимое.

— Хочешь, чтобы угадал? — спрашивает из-за моего долгого молчания.

Киваю, все ещё обдумывая свой вопрос и его реакцию. Значит, у такого холодного и всемогущего парня тоже есть слабые места.

— Романтические мелодрамы? Всякая чушь про любовь?

— Антиутопии, — отвечаю спокойно, ничуть не оскорбившись его предыдущими вариантами, потому что и правда любила и романтические мелодрамы, и фильмы про любовь, но больше всего — антиутопии. Это моя самая большая любовь.

— Интересно, — ухмыляется он. — И книги?

Киваю.

— Джордж Оруэлл?

— Скорее Олдос Хаксли. Но хочу отметить, что 1984 Оруэлла я тоже оценила. Эта специфика мыслепреступления, партийные отношения, вечное присутствие «Большого брата».

— Тебе не кажется, что сейчас мир во многом схож с событиями, описываемыми в книге? Не в точности, конечно, но если воспринимать в виде уродливой преувеличенной карикатуры.

— Согласна, — откидываюсь, вдыхая вечерний прохладный воздух и, наконец, ощущая, что я впервые за весь вечер расслабляюсь.

— А чем тебе нравится Хаксли? Ты же про его нашумевшую книгу «О дивный новый мир»?

— Ты читал? — не скрываю своего удивления.

Бандит и книги — это несовместимые для меня вещи. Определённо.

— Да, был период, когда хотел лучше разобраться в политике. И такие книги были полезны для всестороннего изучения построения государственности. Даже в качестве анти-примеров.

Он говорит, а я только и делаю, что слежу за изменением его мимики, движениями губ... Я восхищаюсь им. Ни его власть, ни богатство, ни влияние отца не впечатлили меня так, как он сам сейчас. Никогда я не видела мужчин, которые соединяли бы в себе все качества: спортивные, умные, властные...

А он определённо был властным.

— Что из их строя тебе показалось полнейшей дикостью?

Наклоняюсь к нему, наши колени соприкасаются, вызывая приятное тепло по телу. С замиранием сердца жду от него очередного ответа на будоражащую меня тему. Я готова обсуждать книги сутками. А сейчас мне кажется, что я нашла себе новую страсть.

Обсуждать книги с ним...

— Что девушки могли спать со всеми, кто этого от них хочет, — произносит, наклоняясь ко мне и глядя прямо в глаза.

Кажется, словно он видит меня насквозь. Эта маска — пыль. Или, возможно, я хочу так думать...

— Я бы никогда не позволил, чтобы к моей девушке прикоснулся кто-то ещё, — добавляет он стальным тоном.

Наши лица на расстоянии вытянутой руки, но я ощущаю его сканирующий взгляд так, словно он меня трогает.

Замираю испуганно, когда он встаёт и присаживается возле меня. Теперь нас отделяют какие-то сантиметры. Воздух электризуется. На автомате облизываю пересохшие губы, и он чертыхается.

Запустив в мои волосы свою ладонь, он наклоняется...

Мысли улечиваются. Я словно в каком-то антиутопическом коконе параллельной вселенной, иначе как объяснить тот факт, что самый популярный парень университета сейчас наклоняется, чтобы... меня поцеловать.

Когда ощущаю его дыхание на своих губах, в самый последний момент уворачиваюсь, подставляя щеку.

Кожу обжигает горячее прикосновение его губ.

Его ГУБ к моему лицу.

Меня словно ошпаривают кипятком. Живот стягивает в нервный узел. Не дышу. Словно в воду погружаюсь, задерживая дыхание. А он не помогает выйти из этого состояния. Отстраняется и снова приближается, целует. А потом ещё раз.

Эти короткие невинные поцелуи распалют похлеще видео, которые парни в классе седьмом в школе всем девочкам показывали.

Кажется, я сейчас просто упаду в обморок.

— Ответь, — слышу у своего уха, и только потом понимаю, что у меня разрывается телефон.

Взглянув на время, мгновенно подскакиваю. Без пятнадцати двенадцать! Куча сообщений от водителя и Олеси.

Господи! Я ведь должна в двенадцать быть уже у неё!

— Мне пора! — наспех бросаю ему и тут же кидаюсь в сторону выхода в комнату, а потом и к входной двери.

— Стой! — слышу за спиной, но остановиться не могу. Смущение в купе с горящим дедлайном делают из меня похожую на пену кипящего молока, норовящую сигануть за границы кастрюльки, только бы не ощущать этого жара под... кхм... зад... ну вы поняли.

Вот только дернув на себя ручку двери, поздно вспоминаю о том, что он ее запер.

Вынужденно оборачиваюсь, после произошедшего стесняясь даже в лицо ему смотреть. Место поцелуя на щеке до сих пор покалывает и горит.

И чем я думала вообще, когда позволяла это?

19

А он, тем временем, медленно, грациозно, словно хищник, ложится в своем смокинге на застеленную кровать, закинув одну ногу на другую, и хлопает рядом с собой.

— С ума сошел? Открой, пожалуйста, я очень спешу, — обнимаю себя руками в защитной позе.

— Ты даже не представилась. Скажи, как тебя зовут, и я открою.

К горлу подкатывает комок.

Представляю его реакцию, если он узнает, что поцеловал такую, как я.

— Я бы предпочла остаться незнакомцами.

Он едва заметно улыбается, а потом достает ключи и... кладет их в пространство между пуговицами рубашки на свой торс.

Сглатываю, представляя, как кусок металла соприкасается с его кожей...

— Думаю, ты задолжала мне ответный поцелуй. Но я почти уверен, что его не будет, поэтому... Ты сможешь выйти отсюда хоть сейчас. Подойди и заberi их, — нагло кивает на свой торс, после чего закрывает глаза.

— Открой, пожалуйста, дверь, — скулю, не желая идти на поводу какой-то дурацкой, не смешной игры. Особенно, когда каждая минута на счету.

— Я тебе уже сказал. Ключи ты знаешь где. В любой момент можешь выйти.

— Ты извращенец?

— А ты?

— Издеваешься? — кажется, я закипаю.

— Разве? — открывает глаза, а потом приподнимается, опираясь на локти. — Разве коснуться меня - это извращение?

— Случайно — нет, но заставлять человека целенаправленно залезть тебе под рубашку, ощупать тело, чтобы найти то, что позволит вернуть законное по рождению право на свободу передвижения и личную неприкосновенность — да!

Выговорив на одном дыхании, делаю глубокий рваный вдох и чуть легкие не выплевываю, когда слышу его ответ.

— Ты так заводишь меня, когда умничаешь, — без признаков юмора отвечает он, склонив набок голову. — Я просто хочу знать твое имя.

Молчу. Руки дрожат от фантомного холода. Его холода, который от взгляда исходит. Морозно-испепеляющий, оценивающий, расщепляющий на атомы...

— Я же все равно узнаю...

Пусть узнает! Пусть разочаруется! Но так, чтобы я в этот момент не присутствовала рядом! Это не мои проблемы!

— Я ведь могу просто подойти, снять маску и...

— Стой, — вытягиваю руку, не давая ему договорить. — Почему я? Чего ты пристал ко мне?!

— Выделяешься на фоне остальных, — совершенно спокойно отвечает он. — Интерес вызываешь бешеный. Эта твоя гребаная маска... если бы ты знала, что в своих мыслях я с ней делаю.

Сглатываю. А я, кажется, уже во всех красках представляю. Так, что в жар бросает.

— Ладно, — подхожу к кровати, видя очередной звонок водителя.

Он откидывается на изголовье и пристально наблюдает за мной.

Сжимаю пальцы в кулаки и нервно разнимаю. Понятия не имею, как сделаю это. Как смогу просунуть руку ему под одежду...

Он снова закрывает глаза, словно наслаждаясь этим представлением. И в этот момент я понимаю, что прикоснуться губами к открытой поверхности его щеки гораздо безопаснее, чем просовывать руку и шупать его тело!

Аккуратно опускаюсь рядом, долго не могу решиться, но все же отпускаю себя.

Крепко - крепко сжав в руках покрывало, я тянусь в сторону его лица. Каждая секунда, разделяющая этот момент на «до» и «после» будоражит сознание. Понимая, что через несколько мгновений я смогу ощутить его кожу своими губами, жар в животе, плавно перетекающий между ног, становится все острее и выше по градусам. Я вижу, как расстояние между нами уменьшается, разглядываю каждую линию его идеально слепого лица, и в самом конце тушуюсь.

Закрываю глаза, не в силах сделать это с открытыми, как ощущаю резкий рывок и ощущение взрыва атомной бомбы на своих губах.

Распахнув глаза, я вижу его, наклонившегося надо мной.

Одна его рука придерживает мою голову сзади, зарывшись в волосы, а вторая обнимает лицо. Это всего лишь секундное прикосновение, пустившее высоковольтный разряд по всему телу, после которого я тут же отталкиваю его.

Часто дыша, я подсакиваю и отшатываюсь, прислонив ладонь к губам.

— Что ты...

— Не думал, что ты все же решишься.

— Я же хотела вернуть такой же, какой ты подарил на веранде!

— Подарил? — ухмыляется он.

— Живо открой мне дверь! — требую, чувствуя, как закипаю.

Я не хотела этого допускать. Он п-поцеловал меня...

Руки дрожат, колени тоже. Мысли в полнейшем хаосе. Сердце убежало вскачь. Не догнать его. Не вернуть. В срединном аморфном состоянии нахожусь, когда даже анализировать сложно.

С запозданием слышу щелчок открываемого замка, после чего пулей вылетаю из комнаты.

По дороге звоню водителю и уже через минуту мы едем с ним к Олеся домой.

Лишь спустя десять минут после случившегося я перестаю дрожать от перевозбуждения и могу отчетливо осознать то, что произошло.

Самый популярный парень, холодный, странный и жестокий парень универа, сын криминального авторитета, нереальный богатый красавчик украл мой первый поцелуй...

Подношу пальцы к губам и до сих пор не могу в это поверить.

20

Глава 9

Тяжесть осознания произошедшего не отпускает, даже когда возвращаюсь к подруге.

Слава Богу, успеваю вовремя. Осторожно пробравшись в ее комнату, влетаю в объятия уже ожидающей меня Леси.

— Ну как? — трусит меня за плечи с нетерпением.

Не знаю, что и сказать. Почему-то произошедшее никак не хочет складываться в предложения. Все слишком... неправдоподобно. Слишком иллюзорно.

Наши разговоры, его интересы, поцелуй...

И самое ужасное в этом всё, что мне понравилось. Ощущать себя красивой, интересной, желанной... Или просто быть той, кто может понравиться *ему*.

Почему-то в этот момент сразу же забываются все его прежние поступки по отношению ко мне и к людям в целом.

Но мозг коварная штука. Он подкидывает мне воспоминания того, как он сломал Ринату руку, как смотрел на меня, словно на пыль, как вытворял непотребства с Аленой...

Машу головой из стороны в сторону и напоминаю себе, что мы с разных полюсов одной планеты. И даже если нас объединяет общая среда обитания — холод, это не значит, что мы на одном уровне. Мы с ним по разные стороны экватора. И я не дам себе этого забыть, чтобы потом не было больно.

Да что там... От одного этого осознания уже больно! А ещё от того, что в таком состоянии его недостатки начинают расплываться... и я уже не чувствую грань между ненавистью и... чем-то таким, что я определённо не имею права испытывать.

— Ничего, — вру подруге, потому что не хочу, чтобы она вселила в меня уверенность в том, что это все может перерасти во что-то большее. И не дай Бог начнет пытаться переубедить его признаться.

На самом деле я жду, когда он сам все узнает. Только в этом случае мне придётся рассказать все Олеся, ибо я втянула ее в эту историю.

Остается лишь думать, что он такой, каким я его в первый день и представила: высокомерный холодный мажорчик, который даже не вспомнит обо мне завтра, и мне не нужно будет придумывать никаких оправданий перед подругой.

Но одновременно с этим я боюсь его завтра увидеть. Какая у него будет реакция?

Узнает ли он меня, если увидит?

— Ты как-то странно это сказала, с тобой все хорошо? — беспокоится Леся, а я только сейчас осознаю, что на самом деле очень устала.

— Слабость такая. Я наверное перенервничала.

Это уж точно.

— Ложись спать, не буду тебя мучить, завтра поговорим.

Леся тянет меня к кровати, помогает переодеться, дает свою розовую пижаму, которая приятно пахнет порошком и ощущается невероятно мягко на теле.

У меня таких нет. Лишь застиранная футболка с шортами, в которых сплю уже несколько лет. А когда стираю их, то приходится спать в белье.

Поэтому надев на себя ее пижаму, я закрываю глаза и тут же вырубаясь.

А во сне кружусь в том же тяжелом платье, в объятии тех же рук, что так нагло и долго меня сегодня держали.

И размышляю... Кошмары мне снились или... мечты.

Выходные проходят по уже отточенному годами сценарию: я просыпаюсь в 5 утра, бегу на остановку и еду в кафе, где работаю до ночи уборщицей, возвращаюсь домой лишь чтобы поспать, а утром все повторяется. В понедельник успеваю помыть все до открытия, после чего переодеваюсь в университетскую форму в туалете того же кафе и отправляюсь на учебу.

Сегодня идти туда страшнее, чем когда-либо. При том, что раньше я боялась, что могу попасть в руки Рината, а сейчас его нет...

Нет же?

Мурашки не отпускают мою кожу, а внутренности горят, словно я залила в себя кипяток. Это страх так парализующе действует.

Крепко держусь за ручки рюкзака и не могу заставить себя поднять голову. Так и иду, разглядывая обувь.

— Микаэла, — тянет за спиной противный прохладный голос, и я столбенею.

Он же не должен был быть в университете! Осознав свою ошибку, ускоряюсь, когда Ринат орет за моей спиной, чтобы я остановилась, но я же не идиотка, чтобы собственноручно сдаваться в руки этому ненормальному.

По пути замечаю Влада. Он стоит среди окружившей его толпы парней и безэмоционально смотрит в свой телефон. Почему-то в этот момент я сбавляю шаг и иду медленнее. Почему подсознательно мне хочется, чтобы он сейчас поднял голову и посмотрел на меня? Чего я жду от него? Что он узнает меня? И что дальше, Микаэла?

Набрав в легкие побольше воздуха, я медленно выдыхаю.

А потом то, о чем я мысленно просила Вселенную, случается.

Влад поднимает голову.

21

Влад поднимает голову, лениво скользит по мне взглядом и... отводит его в сторону.

Я все ещё невидимка. И нужно быть полной дурочкой, чтобы думать, что один вечер это может изменить.
Захожу в аудиторию и пытаюсь отдышаться. Мне словно на грудь наступили, такая тяжесть ощущается.

Оглядываюсь. Никого из тех, кого стоило бы бояться, но я все равно сажусь на последнюю парту.

Приходит сообщение от Олеси, так и не заставшей меня с утра и не распросившей о вечеринке. А потом я два дня работала и не подходила к телефону.

«С тобой все хорошо? Ты так рано ушла, надо было разбудить меня.»

У Олеси пары на экономическом начинаются в основном во вторую смену, тогда как на моем — юридическом, чётенько по времени с самого утра.

Пока идёт лекция по теории государства и права, я успокаиваюсь. Пытаясь забить голову основными принципами права, я даже ненадолго отвлекаюсь, пока по обе стороны от меня одновременно не подсаживаются две девочки. Моментально узнаю в них подружек Алены.

Алены, которая занималась ... в подсобке с Владом...

Тошнота подкатывает к горлу снова.

— Это тебе привет от Алены. Такая сука ты, оказывается, а с виду паинька, — говорит одна из них, после чего они одновременно наливают мне на голову какую-то белую склизкую жидкость, которая, к тому же, плохо пахнет.

Откинуть их руки не было и шанса. Они сделали это слишком непредсказуемо. Откуда я могла знать, что их издевательствам не будет конца даже на лекциях?

Взвизгнув, я протираю лицо, а потом брызгаю остатки жижи прямо в лицо одной из них.

— Что у вас там происходит? — раздается низкий бас пожилого преподавателя.

— Микаэла решила показать какой-то мастер-класс, в итоге обляпалась и нас испачкала, — тараторит шестерка.

— Вон, — рычит преподаватель, смотря на меня и указывая на дверь.

— Но они... — пытаюсь оправдаться, но мне не дают и шанса.

— Я сказал вон из аудитории! К следующей лекции подготовишь презентацию на эту тему и выступишь перед всеми!

Не плакать. Не плакать!

Не смотрю в язвительные и удовлетворенные лица подружек Алёны, лишь хватаю пиджак одной из них и вытираю им свое лицо.

— Ты совсем обалдела? Знаешь, сколько он стоит? Будешь год на него работать, — пищит она, стараясь не повышать голос и не выводить преподавателя ещё больше.

— Считай это платой за мой моральный ущерб, — кидаю пиджак на парту, собираю свои вещи в рюкзак и выхожу из аудитории.

Как же хочется бросить все, лечь на кровать, укрыться теплым одеялом и уснуть, чтобы ни одна живая душа тебя не трогала.

Снова приходит сообщение.

Беру телефон и чуть ли не вою.

«Внесите оплату за следующую неделю на содержание больного в размере 7000 рублей». Тру пальцем разбитый экран телефона, мечтая стереть хотя бы один ноль этой цифры, но ничего не выходит.

Направляюсь к туалету, чтобы смыть с себя всю грязь. Хорошо, что все на парах. В добавок ко всему не получаю порцию насмешек и жалеющих взглядов.

Так я думаю, пока из-за поворота не выходит парень. Не университетская форма, надменный взгляд, дорогая одежда и татуировки выдают в нём одного из дружков Влада.

Он сразу же цепляет меня взглядом и не отводит, как это делаю я. Кажется, даже специально идёт в мою сторону.

— Нихуя се, кто сделал? — бесцеремонно спрашивает он, когда между нами остается пара метров.

Опускаю голову вниз и стараюсь идти вдоль стены, но он преграждает мне путь.

— Влад знает?

Его вопрос выбивает меня из себя. Что значит «Влад знает?»

— А должен? — вырывается у меня скорее писк, чем достойный ответ. Вскидываю голову и вижу, как он... улыбается.

— Кто сделал? — спокойно переспрашивает он, жуя жвачку и сложив накаченные руки на груди.

— Дай пройти.

— Заставишь ещё раз переспросить, лично помогу умыться, — скалится придурок, и я машинально делаю шаг назад.

— Да что вам надо?! — не выдерживаю. Психика окончательно дает сбой. — Я не могу так больше! Не могу! — толкаю его в грудь, после чего убегаю в туалет.

На удивление, за мной никто не бежит.

Умываюсь долго, тщательно смывая с волос всю прилипшую жижу. Достали!

Университет достал, бедность достала! Достало считать копейки, что на хлеб остаться должны. Достало вставать в 5 утра, чтобы на работу пойти. Достали издевки мажоров, возмнивших себя Богами. Достали курицы, считающие, что если родились в семье богатых родителей, то они выше меня.

Но при этом я до одури люблю жизнь! И хочу, чтобы она, наконец, стала лучше, чем раньше! Но все раз за разом повторяется...

Вылетаю из туалета и несусь на крышу. Я устала...

Я так хочу отдохнуть.

22

Подбегаю к самому краю и забираюсь на выступ. Солнце припекает сверху, словно не понимая, что моя душа и без того горит вулканическим пламенем. Лава бурлит, не находя выхода.

Сильно зажмуриваю глаза. Из рта вырывается полустон. Всего шаг — и не будет больше проблем. Не будет этого гнилого мира.

Но потом останавливаю этот секундный порыв, мысленно дав себе затрещину. О чем я думаю вообще? Мне просто нужно доучиться, и всё закончится! Я обязательно буду счастлива!

Поднимаю голову вверх и, смотря прямо на обжигающее глазницу солнце, обращаюсь к Богу.

— Господи, умоляю, в следующей жизни, отправь меня туда, где мне найдется место.

— Такого места нет.

Вздрагиваю и чуть ли не падаю, вовремя соскочив на землю и упав на колени и ладони.

Идеально отполированный ботинок приближается ко мне вплотную и наступает на ладонь. Вскрикиваю от боли, когда убудок прикладывает силу.

— Остановись! Ринат, хватит! — скулю, сжавшись возле его ног и не имея сил выдернуть руку.

— Больно, сука? Уверен, что не настолько, как мне, когда из-за тебя мне сломали руку. Сосала ему уже, поэтому как цербер за тобой ходит? Или в игрушки к нему пошла? Чем мой хуй тебя не устраивал, блядь? — давит ногой сильнее, заставляя кричать громче.

Когда это прекратится? Когда все закончится? Когда ему надоест надо мной издеваться?

— За что ты так? Что я тебе сделала?

— Не дала, — спокойно отвечает он, высокомерно смотря на меня сверху вниз. — Тебе надо было всего лишь один раз ноги раздвинуть и всё. Была бы свободна. Но ты высокомерная сука. А с суками только так обращаются.

Опускаю голову и начинаю скулить ещё громче.

— Не хочу-у-у! Не понимаешь? Я не хочу.

— Раз не можешь развлечь меня своей дыркой, развлекаюсь так, Мика. Хотя. Думаю, одна все же подойдет.

Схватив меня за волосы, он, не убирая ноги с моей ладони, тянет моё лицо к своему паху.

А когда начинает расстегивать ширинку, это становится последней каплей.

Я открываю рот и кричу с такой силой, что бьет в ушные перепонки. Кажется, если бы тут было зеркало или стекло, они бы разбились от количества отчаяния в моем голосе. Закрыв глаза, я продолжаю звуками истязать воздух, не осознавая ничего, что творится со мной в этот момент. Высшая степень отчаяния.

Я трясусь и пытаюсь отбиваться ровно до тех пор, пока не осознаю, что давление с ладони исчезает, и боль пульсирующими молниями начинает бить в разные места онемевшей конечности.

Судорожно отползаю к ограде, что отделяет меня от падения с высоты, и только потом открываю глаза и смелюсь оглядеться.

Но то, что я вижу...

Закрываю рот ладонью, потому что тошнота подкатывает к горлу. Картина, представшая перед глазами, не просто пугающая, она омерзительная.

Увидев меня, Влад останавливается вершить правосудие, быстрым шагом подходит ко мне и присаживается рядом.

— Ты в порядке? — на удивление, его голос ровный, но немного ниже, чем обычно.

Не услышав от меня ответа, он резко протягивает руки к моим коленям и пояснице и поднимает на руки, словно пушинку.

Его запах оседает на моих легких, как и в тот день, когда он поцеловал меня... Но сейчас ничего не вызывает восторга или возбуждения. Я эмоционально нестабильна.

На автомате бью его в грудь и истерю. Сейчас мне не хочется прикосновений. Никаких. Ничьих.

— Пусти! Не хочу! Пусти!

Его взгляд ловит мой и темнеет, а руки на моих бедрах сжимаются сильнее.

— Уведите ее, — снимает маску хладнокровия и рычит разъяренно своими друзьям, осторожно ставя меня обратно на ноги. — Я пока закончу тут.

Даже думать не хочу, что он собирается делать. Сразу же отворачиваюсь и натываюсь взглядом на стоящих возле выхода молодых накаченных парней, среди которых был и тот, которого я встретила в коридоре.

Только в коридоре он смотрел на меня с усмешкой, а сейчас... словно испугался за меня.

Он первый подходит ко мне и берет под локоть, выводя на улицу.

— Он же не... — произносит, но меня начинает колотить ещё сильнее.

— Не успел, — говорю болезненно, сглатывая образовавшуюся в горле горечь.

— Я — Олег, — протягивает мне свою ладонь, и почему-то яжимаю ее. Мысли в каше. Состояние тоже.

— Мне нужен воздух, — все, что могу ему сказать.

— Идем на улицу.

Выходим на территорию у входа. Прошу его оставить меня одну, и он, кивнув, заходит обратно, сказав, что Влада нужно остановить. Даже думать не хочу от чего...

Уходит не меньше получаса на то, чтобы я восстановила дыхание и пришла в себя. Мысли прояснились и остался лишь осадок от непонимания происходящего.

За то время, что я стою, во дворе университета столпилась целая дюжина студентов. Они облепили меня в круг. Кто-то что-то спрашивал, кто-то снимал.

Только я не понимаю — что снимать?

23

Тянущее ощущение нереальности происходящего и абсурда ситуации давит.

Я не понимаю, что здесь делаю, с кем я? Почему за несколько дней моя жизнь так кардинально изменилась, причём в худшую сторону?!

— Он ее трахнуть хотел?

— Говорят, она та ещё шлюха, просто здесь недотрогу строит.

— Ринат сказал, что заплатил ей за трах, а она отрабатывать не захотела... — слышу отвратительно мерзкие шепотки, но даже уши закрыть не могу.

Приходится проводить услышанное через себя, стараясь не оставить следа нахождения внутри, но не выходит. Эта гадость, летящая из их нечищенных ртов, все равно задевает.

— Хватит! Прекратите! — не выдерживая, выкрикнув в толпу.

Все моментально затихают, уставившись на меня кучей пар глаз.

— Я устала от ваших нападок! Вы что, нелюди?! Разве такие вещи можно прощать в обществе?

— А ты что, член общества? Ты кто вообще? — кричит какая-то девушка из толпы.

— Да, ты кто? — поддерживают остальные, начиная кричать мне ещё больше гадостей.

Обнимаю себя руками, снова не зная, куда себя деть.

Хочу выйти из этого порочного круга, но они не выпускают... Толкают меня в середину, продолжая нападать.

Почему после нападок одного, стая шакалов слетается, чтобы добить?

Хочется сесть на землю, закрыть руками голову и начать считать, мечтая о времени, когда это закончится.

Но все прекращается, когда в ответ на очередную реплику «Кто ты, шваль?» звучит басыстый и невероятно разъяренный голос Влада.

— Она — моя, — одной фразой вершит мою судьбу он.

Толпа мгновенно расступается, предоставляя ему возможность пройти. Моё сердце, тарабанившее до этой секунды, как ненормальное, замирает. Безвольно опустив руки от шока, я стою, словно раскаленный нерв, смотря как стремительно он ко мне приближается. Смотрю ему в глаза, что словно в душу заглядывают. Пытаюсь понять, что он от меня хочет, зачем это всё делает? Но не выходит. Его лицо — ледяная маска бесстрастия.

И когда расстояние между нами составляет всего метр, и я жду, что он остановится, чуть ли не теряю сознание, когда властная рука хватается меня за талию, толкая на себя, вторая забирается в волосы, а его губы требовательно прикасаются к моим.

Дорогие мои! Следующая глава будет от Влада! Всем приятного чтения ##

24 от Влада

Все происходит так стремительно, что я не успеваю даже воздуха глотнуть.

Тело простреливает молнией. Я не могу двигаться, дышать, в немом оцепенении позволяю ему целовать меня на виду у всех. И он с удовольствием пользуется этим, углубляя его показательно. Чтобы все поняли, чья я теперь... игрушка...

Он тяжело дышит, когда нехотя отстраняется от меня, а потом плотнее прижимает к себе и, смотря мне прямо в глаза с ничего не выражающим лицом, произносит.

— Если я ещё раз увижу, что кто-то даже посмотрел на неё косо, уничтожу, — его голос тихий. Но слышат все с замиранием. — И зная, как вы любите примеры, предоставляю вам наглядный, — грубее кидает им.

Толпа оборачивается, и я вместе с ней. Крепкие руки все ещё обвивающие мою талию сжимают ее ещё крепче.

Закрывают от ужаса рот. Ноги не держат — Влад удерживает меня от падения. Еда тут же норовит выбраться из организма очередным порывом, но адреналин в крови не дает этому случиться.

Не позволяя мне смотреть на это и дальше, он отворачивает меня от себя и держа за талию, ведёт к своей машине. Еле перебираю ногами, и ему иногда приходится приподнимать меня, чтобы донести.

— Садись, — открывает мне дверь.

— Куда мы едем? — спрашиваю, не двигаясь и смотря в одну точку замыленным взглядом. Сил просто не осталось. Я высушена морально.

— Ко мне, — холодно произносит он, и когда я в последнем порыве отчаяния морщусь и резко срываюсь, чтобы убежать в другую сторону, он одной рукой перехватывает меня за талию, запикивает на переднее сидение и хлопает дверью так, что чуть сердце в пятки не прыгает.

Затем он обходит спортивную машину и садится за руль.

— Я знаю, что ты живешь одна. Теперь этого не будет, — произносит, когда заводит машину.

— Что зна... — начинаю на повышенных тонах, но кто дает мне закончить?

— Будешь жить у меня, — нагло перебивает, резко рванув с университетской парковки, заставляя сжаться в спинку кресла.

И это не тот тон, который спрашивает или дает хоть какой-то на выбор. Он давит, доминирует. Я не знаю, что мне делать. Мне ужасно, до чертиков страшно.

Но даже не его дом настолько страшит. Сейчас я не могу думать ни о чем другом, кроме как о том, что он сделал с Ринатом... И что сделает со мной...

10 глава

Несколько дней назад

Влад

— Долго будут продолжаться твои стычки с Каримовым? — громыкает низкий бас отца.

Он стоит ко мне спиной, словно огромная статуя. Сильная стальная непробиваемая глыба. Которую никак не обогнуть, и уж точно не прогнуть.

— Я уже говорил тебе. Он это заслужил, — унимая внутреннего беса спокойно отвечаю я.

Стараюсь не вспоминать что этот гандон пытался сделать со слабой девчонкой в мой первый день в универе. Беснуюсь мгновенно.

— Он сын ректора. Ты создаёшь мне проблемы.

Чушь собачья. Это не тот вопрос, из-за которого у отца могут быть проблемы, он просто хочет держать меня в своей тени, но... черт, с его кровью в моих венах разве это возможно?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.